

ГЛАВА 2

Спустя несколько минут мы сидели в обеденном зале в ожидании возвращения Альгидраса с Миролюбом, которые ушли переодеться в сухое. Я не сомневалась, что явятся они нескоро, потому что вряд ли Миролюб удержится от соблазна расспросить Альгидраса о произошедшем. И я оказалась права. Даже учитывая количество комнат и переходов в этом доме, отсутствовали они дольше, чем нужно для переодевания. Нестерпимо хотелось узнать подробности их разговора, но пришлось смириться с тем, что мне, как и всем женщинам, будет озвучена официальная версия.

Милонегга приказала накрыть на стол, и я, устроившись в углу на низкой лавке, наблюдала за повеселевшими девочками, сновавшими туда-сюда и споро расставлявшими угощения на столе. Конечно, это был не праздничный обед, однако в доме нашлось не только вяленое мясо и окорок, но и горячие пироги.

Наконец мужчины появились в зале. На обоих была сухая одежда, причем на Альгидрасе даже по размеру. Я ожидала, что он будет в одной из рубаш княжича, поэтому очень удивилась, а еще вдруг с новой силой заскучала по Свири. По тому дню, когда Альгидрас сидел в доме Радима в одной из его рубашек и вырезал деревянные фигурки. Сейчас это воспоминание казалось родным

и очень далеким. Я невольно скользнула взглядом по Альгидрасу, словно ожидая, что он дернет плечом, поправляя сползшую рубашку, и заметила, что его ладонь перетянута свежей повязкой.

Миролюб подошел к матери, протянул руку, чтобы помочь ей встать, и замер не двигаясь. Эта половина дома была вотчиной княгини, и Миролюб не нарушал традиций, терпеливо ожидая действий матери.

— Ну, иди, я тебя хоть рассмотрю, — произнесла Милонегга, выпуская руку сына и протягивая ладонь Альгидрасу.

Тот неуверенно шагнул вперед.

— Иди-иди. Не робей.

Альгидрас подошел к женщине и коснулся протянутой ладони. Милонегга провела свободной рукой по его волосам, взъерошивая мокрые пряди.

— В доме будешь, пока не обсохнешь, — произнесла она, и ни Альгидрас, ни Миролюб не решились возразить.

— Сколько тебе весен?

— Девятнадцать, — сипло ответил Альгидрас.

Я с замиранием сердца ждала расспросов об островах хванов. Мое тело напряглось в нестерпимом желании шагнуть вперед и коснуться его руки, защитить от боли. Альгидрас нервно повел плечом, и я вдруг поняла, что это напряжение не только мое. Оно и его тоже. Он так же ожидает вопросов и так же их боится.

— Как твое имя?

— Олег.

— А как нарекла тебя мать?

— Я не знал матери. Отец нарек Альгидрасом.

Я ощутила иррациональное волнение. Это был первый раз, когда хванец произнес свое настоящее имя. Оно

звучало не так, как его произносила я. Чуть мягче. А на звуке «ль» словно ручей перекатывался по камням.

— Красивое имя, — произнесла Милонегга, вновь касаясь волос Альгидраса. — И мальчик ты красивый. Чужеземной красой. Садитесь за стол. Пироги стынут, — тяжело опершись на руку сына, она первой направилась к своему месту.

Альгидрас поколебался мгновение и все же протянул руку Добронеге, правую, забинтованную. Та осторожно коснулась его локтя и, указав взглядом на повязку, негромко спросила:

— Что там?

— Обжег. Несильно.

Я нервно усмехнулась, вызвав удивление Миролюба, который подошел ко мне, чтобы проводить за стол.

— У тебя рука холодная, — поделилась я наблюдением с княжичем.

— Застыл, — улыбнулся Миролюб одним уголком губ, а потом вдруг наклонился ко мне и прошептал на ухо: — Согреешь?

Я шарахнулась в сторону, вызвав у него веселый смех. Он ведь пошутил? Однако уверенности не было, потому что утреннее напряжение уже исчезло с лица княжича, а в глазах поселились лукавые смешинки. Нашел место для заигрываний!

Милонегга усадила Альгидраса между собой и матерью Радима. Я устроилась по левую руку от Добронегги. Миролюб — по правую от матери. И я, признаться, была очень рада, что нас с ним рассадили так далеко. Его неожиданная игривость настораживала. А еще так я могла спокойно поглядывать в сторону Альгидраса, потому что сидела с самого края и не было ничего странного

в том, чтобы смотреть на всех собеседников разом. Поэтому я могла без помех наблюдать за тем, как нервно скользят его пальцы по вышитой скатерти, как он нерешительно то обхватывает кружку с медовым отваром, то убирает руку, так и не отпив. Наконец Милонегга первой сделала глоток из своей кружки и покачала головой:

— Хороший отвар. В студеный день — первое дело.

Миролюб, уже вовсю жевавший пирог, обернулся к Альгидрасу, перехватил мой взгляд и подмигнул. Я выдавила из себя улыбку и тоже сделала глоток из кружки. Мне показалось, что напиток алкогольный, потому что по горлу и груди сразу растеклось тепло. Я поспешно схватила пирожок, вспомнив, что почти ничего не ела на завтрак. Алкоголь я переносила плохо, а лишних проблем не хотелось.

Милонегга отщипнула кусок от лепешки и, задумчиво прожевав, обратилась к Добронегге:

— Правду говорят, что побратимство они с Радимом разорвали?

Добронегга, так и не притронувшаяся к еде, тут же отодвинула кружку и кивнула.

— Плохо дело. Из-за чего, Альгидрас?

Я почувствовала что-то вроде детской обиды. Почему она не зовет его Олегом? Почему запомнила его настоящее имя? Это только мое.

Альгидрас никак не показал, что обращение его удивило. Он несколько секунд раздумывал над ответом, а потом, неловко спрятав перевязанную руку под стол, произнес:

— Воеводе от того побратимства добра не было. Я... другой. Люду это не любо.

— Ты еще и умный мальчик. И сильный, — заключила Милонегга, а я с замиранием сердца увидела, как Добронегга коснулась локтя Альгидраса и тот вздрогнул от неожиданности.

— Как ты Добруша нашел?

И Альгидрас начал рассказывать. Все, кроме Мирюлюба, повернулись к нему, княжич же вертел в руке кружку и слушал нахмурившись. Я подперла голову рукой, думая о том, что пора смириться с реальностью: Альгидрасу нельзя верить. Я вспоминала момент, когда он, глядя мне в глаза, ответил, что понятия не имеет, чем меня поят, и отчетливо понимала, что сейчас он тоже врет. При этом делает это просто виртуозно. Если бы я не знала, как все было на самом деле, не задумываясь поверила бы его рассказу о том, что он встретил в лесу заблудившегося ребенка и непременно отвел бы его домой сразу, но, во-первых, у мальчика был жар, и тот не мог сказать, кто он и откуда, а во-вторых, дождь был таким сильным, что пришлось остаться в лесу, наспех соорудив шатер, потому что ручей разлился, а Альгидрас, не знавший этих мест, просто не смог бы перейти его в темноте с ребенком на руках. Потому-то утром, когда рассвело, он пошел искать брод и решил отнести дитя на княжеский двор, рассудив, что тут точно помогут найти родителей мальчика. О том, что мать ребенка здесь, он понятия не имел.

Вот такая красивая и вполне героическая история. Во время рассказа Альгидрас смотрел на свою кружку, изредка переводя взгляд то на Милонеггу, то на Добронеггу. На меня и Мирюлюба он не смотрел, потому что главными зрителями этого спектакля были не мы. Женщины ему верили. И кто бы их за это осудил?

Альгидрас закончил свое повествование, а мне вновь безумно захотелось оказаться в Свири. Сейчас я как никогда тосковала по Радиму. Вот уж кто честен и прямодушен. Вот кто никогда не станет врать тебе в глаза, не считаясь ни с чем.

— А что ты делал ночью в лесу? — неожиданно спросила Милонегга, и Миролюб покосился сначала на мать, а потом на Альгидраса.

— Я... встречался с братом за стенами города. А потом решил прогуляться по лесу. Мы с братом... поспорили.

— С братом? — Добронегга в удивлении обернулась к Альгидрасу всем корпусом.

— Он... не по крови. Мы в монастыре учились. Мы... все там братья.

— Твой брат здесь? — продолжала допытываться Добронегга, и в ее голосе слышалась радость.

Альгидрас некоторое время молчал, а потом произнес:

— Он уезжает вскоре.

К счастью, никто не стал развивать эту тему дальше, и трапеза продолжилась в ничего не значащих разговорах. Милонегга выспросила у Миролюба о здоровье мальчика. Оказалось, что он до сих пор не приходил в себя, но отчего-то княгиню это не озаботило. Добронегга вызвалась посмотреть ребенка. С этим все согласились, однако то, какой взгляд Миролюб бросил на Альгидраса, заставило меня подумать, что он готов прибегнуть к альтернативной помощи в лице хванца.

Наконец Милонегга решила, что мужчины достаточно обсохли для того, чтобы позволить им уйти. Добронегга к тому времени уже отправилась навестить ребенка, и в трапезной нас осталось четверо. Я лихорадочно придумывала благовидный предлог, чтобы покинуть

сие блистательное общество, потому что взгляды Миролюба раздражали так же сильно, как и нарочитое невнимание Альгидраса, когда княгиня неожиданно спросила:

— А ты знаешь песнь о старом корабле?

Альгидрас, как раз выбиравшийся из-за стола, загнулся о лавку и едва не пропахал носом пол, в последний момент умудрившись сохранить равновесие.

— Знаю, — во взгляде, обращенном на Милонегу, была смесь удивления и настороженности.

— Спой мне ее.

Альгидрас растерянно оглянулся на княжича, а я передумала уходить.

— Это старая хванская песня, — пояснила мне Милонегга. — Когда Миролюбушка оправлялся от раны, в ту пору... к нему приходил старый хванец. Тот самый, что сказал твоему отцу, где искать Миролюба. Любим против был, да тот тайком приходил. Поутру рано.

Я невольно поежилась и посмотрела на Миролюба. Тот глядел на мать со смесью жалости и тревоги.

— Помнишь, сынок?

Тревога Миролюба передалась и мне. Милонегга в этот момент выглядела так, словно не понимала, где она и с кем. На ее щеках заблестели слезы, и я вдруг осознала, что она сейчас мысленно в том страшном времени, когда искалеченный ребенок боролся за жизнь после плена. Был ли тот хванец вообще? Не плод ли он ее большой фантазии?

— Ихе милак, — тихо запела Милонегга.

Миролюб выразительно посмотрел на Альгидраса, словно призывая подыграть, а сам подошел к матери и легонько обнял ее за плечи.

— Позволь, я отведам тебя, — ласково произнес он, заглядывая в лицо Милонеге.

— Больнако терна ише ма, — пропела Милонегга.

Я вздрогнула, когда эту странную песнь подхватил негромкий голос Альгидраса.

Он шагнул к Милонеге и дотронулся до ее локтя, продолжая негромко напевать. Песня вправду была похожа на колыбельную. Милонегга закрыла глаза и улыбнулась, по ее щекам катились слезы. В комнату заглянула пожилая женщина и, нахмурившись, покачала головой. Потом на ее лице появилась ласковая улыбка, и она уверенно подошла к Милонеге, оттеснив и княжича, и Альгидраса:

— Пойдем, девочка моя. Дождь сегодня ишь как разошелся. В дождь всегда кручинишься. Пройдет. Идем, дитятко. Идем.

Милонегга послушно вышла за причитающей женщиной. Мы остались втроем, разглядывая закрывшуюся дверь. Неловкость повисла в воздухе.

— Что это за песнь? — вдруг спросил Миролюб, повернувшись к Альгидрасу.

— О старом корабле, — откликнулся тот, все еще не отрывая взгляда от двери.

— Спой.

Я ожидала, что Альгидрас рассмеется или скажет, что Миролюб не в своем уме, однако он запел, по-прежнему глядя на дверь.

Все-таки хванский язык сам по себе был музыкой. А уж когда он звучал вот так — нежно, негромко, его можно было слушать вечно. А еще голос Альгидраса, в обычной жизни чуть сиплый и точно сорванный, в песне казался ниже и глубже. И совсем не подходил

девятнадцатилетнему юноше. Прикрыв веки, я почувствовала, как горло перехватывает и дыхание сбивается. На глаза навернулись слезы, и я с удивлением поняла, что еле удерживаюсь от того, чтобы не разрыдаться. А ведь прежде музыка никогда не вызывала во мне желания заплакать. Да и не было тут никакой музыки, просто вполголоса напетая песня на незнакомом языке. А потом я вдруг осознала, что это не моя тоска — Альгидраса.

— Я слышал эту песню, — глухо произнес Миролюб. Он тоже стоял с закрытыми глазами. — Только без слов.

Альгидрас пожал плечами и тряхнул головой, словно отгоняя оцепенение.

— О чем в ней?.. — спросила я, и мой голос сорвался.

— Старый корабль сел на мель. Много лет назад. Его команды больше нет, но он помнит голоса людей, запах смолы, крики морских птиц. А в прилив ветер зовет его выйти в море: сбросить песок, поднять сломанную мачту. Потому что корабль должен погибать в штормах и идти ко дну, а не лежать на берегу.

Я сглотнула и, повинувшись какому-то глупому детскому порыву, шагнула к Альгидрасу и заглянула в его лицо:

— Он сможет вернуться в море?

— Со сломанной мачтой? С пробойной? — скептически спросил Миролюб.

Альгидрас же посмотрел на меня и вдруг серьезно ответил:

— Я в детстве верил, что сможет. И с пробойной, и со сломанной мачтой.

Миролюб хмыкнул, однако не стал комментировать нашу нелепую веру, а вместо этого озвучил мысль:

— Странная песнь для хванов, которые никогда не ходили по морям.

На этот раз Альгидрас повернулся к Миролюбу и произнес, глядя на него в упор:

— А она не хванская, княжич. Мне пел ее морской разбойник.

— Тот, что тебя вырастил? — прищурился Миролюб. Альгидрас кивнул и припечатал:

— И язык это кварский. Где ты слышал ее? Вспомни! Миролюб нахмурился.

— Она не может быть кварской, Олег, — на моей памяти Миролюб впервые не назвал Альгидраса хванцем. — Ее пел человек, что стоял во главе флотилии отца.

— Будимир? — подала голос я.

Миролюб медленно кивнул.

— Он напевал ее иногда. У костра. Без слов. Воины спрашивали, что за песня. Он говорил: «Она о доме». Будимир из далеких краев был.

— Из каких? — Альгидрас сложил руки на груди и посмотрел на княжича с вызовом.

— Не знаю, — покачал головой тот. Видно было, что вопрос заставил его задуматься.

— Он много плавал. Может быть, услышал ее где-то? — предположила я, чтобы хоть как-то снять повисшее напряжение. — Тем более, ты говоришь, что он никогда не пел слов. Может, он их не знал.

— Ходил! — в один голос поправили меня мужчины.

— По морю ходят, — добавил Миролюб.

Я закатила глаза. Конечно, это самое важное сейчас: уяснить, что по морю ходят, а не плавают.

— Ты встречал хоть одного квара, княжич?

— Как видишь. — Миролюб указал на свою руку.
Альгидрас, кажется, смутился, однако продолжил:

— В бою.

— Встречал, хванец. Иль думаешь, я за спинами воинов сижу?

Альгидрас не ответил на выпад. Вместо этого уточнил:

— И много из них тебе пели? В бою.

— Спеть не успевали, — хмуро ответил Миролюб.

— А вот Будимиру, видно, успели.

— Ты к чему? — в голосе Миролюба уже слышалась неприкрытая угроза.

— А к тому, что Будимир пропадает, на его корабле приходят квары. Эти квары едва не отправляют воеводу Свири к богам. Погиб ли он?

С этими словами Альгидрас вышел из комнаты и плотно прикрыл за собой дверь, а я в задумчивости посмотрела в окно, за которым по-прежнему лил дождь.

Моего плеча коснулась рука, и Миролюб обнял меня, притянув к себе.

— Дрожишь, — пробормотал он в мои волосы.

Я запоздало вспомнила, что хотела пораньше сбежать с обеда, потому что он был не в меру игрив, но эта песня вытеснила из головы все намерения. И вот теперь я стояла и с замиранием сердца чувствовала, как Миролюб осторожно целует мои волосы. Что со мной не так? Вот же он, рядом. Жених. Сын князя. Красивый. Сильный. Но сердце замирает не от возбуждения, а от тревоги, в голове же вертится дурацкая песня, и никак не получается избавиться от образа чертового мальчишки перед мысленным взором. И даже попытка подумать о том, что он — монстр, способный вызвать ураган, не помогает. Вместо этого мысли цепляются за то, каким

он был сегодня — нервно закушенная губа и слипшиеся от дождя иголки длинных ресниц, и невозможно избавиться от воспоминаний о голосе, который ему совсем не подходит. А еще...

Миролюб повернул меня лицом к себе и поцеловал в губы. Отвечая на поцелуй, я лихорадочно придумывала повод сбежать. Повод не придумывался, потому что мое слабое «нас увидят» разбилось о его бормотание «никто не войдет».

Когда его губы наконец оторвались от моих и коснулись моего подбородка, а потом и шеи, я вдруг с ужасом поняла, что Миролюб может не остановиться. Он дома. Он здесь хозяин. Добронега у мальчика. Любим не ходит на женскую половину без особой на то нужды. Милонегу увели. Что делать?

— Стой! — Я отклонилась, упершись руками в грудь Миролюба и чувствуя, как под ладонью колотится его сердце.

Мое тоже колотилось. Только от страха. Именно в эту минуту я осознала, что не смогу ничего ему предложить — я не готова. И к браку с ним не готова. И не буду готова никогда. Нет, я не испытывала к нему отвращения, как бывает у героинь любовных романов, когда им доводится целоваться с нелюбимыми мужчинами. И безоговорочно признавала все достоинства Миролюба. Но я совершенно четко понимала, что просто не смогу быть рядом с ним. Проклятая Святыня! Ведь тысячи женщин во всем мире выходят замуж не по любви. Даже без симпатии. А я искренне симпатизировала Миролюбу. Он восхищал меня! Однако чертова Святыня так промыла мне мозги и вывернула наизнанку все эмоции, что, просто дотрагиваясь до руки Альгидраса, я испытывала в разы

более острые ощущения, чем от поцелуев Миролюба. А еще меня физически корежило от мысли о близости с женихом, хоть во мне и не жила наивная вера в то, что секс бывает исключительно по любви: в конце концов, я не ждала принца все эти годы. Но сейчас...

— Подожди! — Я выскользнула из объятий Миролюба. — Я так не могу.

Он ничего не говорил, лишь смотрел пристально, словно что-то для себя решая. А еще было в его лице что-то новое, только не понятно что.

— Добруш — твой сын? — зачем-то спросила я, хотя вовсе не собиралась.

На лице Миролюба промелькнула какая-то эмоция, и он прищурился:

— Ты из-за него?

— Я... просто спросила.

— Да. Сын. Только, как он родился, я не прикасался к Уладе.

— Ясно, — пробормотала я, понимая, что глупо упрекать мужчину в связи многолетней давности и уж тем более в том, что он заботится о своем ребенке.

— То есть это не из-за сына? — уточнил Миролюб.

Я помотала головой, осознавая, что это хороший предлог, но не имея сил соврать.

— Тогда из-за него?

— Из-за кого? — искренне не поняла я.

— Из-за хванца?

— Что? — Я даже отшатнулась от княжича. — При чем тут Альгидрас?

— Альгидрас? — усмехнулся Миролюб, и я поняла, что только что сказала о своих чувствах гораздо больше, чем планировала.

Я ничего не ответила, чтобы не сделать ситуацию еще паршивее, и, глядя в изменившееся лицо Миролюба, вспомнила момент, когда впервые осознала, что не имею над ним никакой власти. Однажды он уже был вот таким — жестким и далеким. Тогда, в доме Радима, он спорил с Альгидрасом. Сейчас мы спорили из-за Альгидраса. Права была Добронегга: княжич милый, пока на его добро не покушаются.

— Ты его любишь? — голос Миролюба прозвучал спокойно, будто он спрашивал, люблю ли я орехи.

Я помотала головой, с удивлением обнаружив, что ложь стоит немалых усилий. Чертова Святыня.

— Я не люблю его, Миролюб, — четко произнесла я. — Но он очень помог мне после плена. Рассказывал сказания, успокаивал, когда мне было страшно. Я не могла пойти к Радиму, — пробормотала я, предвосхищая вопрос, — потому что он... лицом темнел, стоило мне сказать о кварах. Олег был против, говорил, что мне надобно к брату... Но я не могла. Я к нему тогда ночью бегала, потому что мне страшно было. Понимаешь? Ты же должен понимать!

Я отдавала себе отчет, что пользуюсь женской хитростью. Весь мой опыт требовал подключить слезы, однако какая-то часть меня чувствовала, что с Миролюбом этого делать не стоит.

В лице княжича что-то дрогнуло. Шагнув вперед, он притянул меня к себе и обнял. Он больше не пытался меня поцеловать, за что я была ему благодарна. Просто уперся подбородком в мою макушку и прошептал:

— Не бойся. Теперь все хорошо будет. Только поклянись, что ничего у вас не было.

— Не было, — эхом откликнулась я, потому что это было правдой. — Ничего не было. Можешь у него спросить.

Он мне как брат. А меня он вообще терпеть не может, — усмехнулась я.

Миролюб тоже усмехнулся в мои волосы:

— Ну и славно. Значит, и не будет ничего.

И сказано это было так, будто он забил гвоздь в крышку гроба. Я едва удержалась от того, чтобы не поежиться.

— Конечно не будет, — пробормотала я, спрятав лицо на его груди, в то время как все во мне выло от этих слов: «Как же так?! Не будет? А зачем тогда это все? Весь этот мир — зачем?»

Мне стало страшно от подобных мыслей, поэтому я просто зажмурилась и обняла Миролюба.

Баллада о корабле

*Среди песков, укрыт могильной тишиной,
Лежит корабль — могучий воин прошлых лет.
Пробито днище, и сквозь щели в трюм пустой
С немой печалью по утрам глядит рассвет.
Обломки мачт давно не помнят парусов
С гербом правителя далекой стороны.
Но лишь прилив на берег набежит волной,
Как в старом воине вновь оживают сны.*

*Там звон мечей,
Там соль морей,
Там голоса его людей
И свет звезды, что их спасала от беды.
За годом год,
За веком век
Им снова правит человек,
Который с ним делил одни мечты и сны.*

*Соленый ветер шепчет: «Сбрось сырой песок.
Пусть устремятся мачты ввысь, я помогу.
Твой человек века назад мне дал зарок,
Что ты не будешь гнить на мертвом берегу».
И в старом воине вдруг оживает боль
От сотен давних ран-зазубрин на бортах.
И он изломанным, изъеденным собой
Ложится на волну, отринув страх.*

*Там звон мечей,
Там соль морей,
Там голоса его людей
И след звезды, что их спасала от беды.
Там яркое свет,
Там песнь побед,
Там за него держал ответ
Тот человек, что с ним делил мечты и сны.*

*Среди песков, укрыт могильной тишиной,
Лежит корабль — могучий воин давних дней.
Но с каждой новой набегавшей волной
На шаг он ближе к голосам своих людей.*

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

